

Глава 21

Воспользовавшись моментом, пока Го Синсянь собирал вещи, Нань Ши вышел на балкон второго этажа, чтобы понежиться в лучах солнца.

Он задумчиво перебирал в пальцах медные монеты.

— Цин Ин, у тебя есть ещё какие-то дела?

— Горный владыка приказал мне служить молодому господину и не отлучаться, — согнув колени в поклоне, ответила та.

— Цк, — Нань Ши неосознанно цокнул языком и снова взглянул на чистый лист бумаги. — Что имел в виду мой старший брат?

— Служанка не знает. Горный владыка сказал, что молодой господин всё поймёт с первого взгляда.

«Чёрта с два я понял!»

Раздражённо бросив монеты на стол, он трижды повторил ритуал. Каждый раз все монеты ложились янской стороной вверх, образуя гексаграмму Цянь.

Внезапно его осенило. Неужели старший брат хотел, чтобы он сам предсказал, что написано на этом листе?

«И так можно было?»

— Горный владыка сказал, что, какое бы предсказание ни получил молодой господин, такова и будет суть, — тихо произнесла Цин Ин. — А как поступить, решать только вам.

Нань Ши жестом велел ей замолчать и бросил три другие монеты. Они со звоном покатались по столу, сталкиваясь друг с другом. Он напряжённо следил за ними. Одна инь, вторая... последняя монета сорвалась со стола и упала на пол. Он посмотрел вниз.

Три инь.

Верхняя триграмма — Цянь, нижняя — Кунь. Гексаграмма «Упадок» состоит из двух частей: «нет» сверху и «рот» внизу..

Суждение гласило: «Упадок — не от людей. Неблагоприятно. Стойкость благородного мужа.

Великое уходит, малое приходит».

Афоризм гласил: «Небо и Земля не сообщаются — “Упадок”. Благородный муж, умаляя свою добродетель, избегает беды. Нельзя прославляться жалованьем».

Проще говоря, эта гексаграмма неблагоприятна для благородного мужа, тогда как ничтожные люди преуспевают. В такое время благородному мужу следует отойти в тень, не гнаться за чинами и богатством, а главной целью поставить избежание опасностей.

Иероглиф «Упадок» (䷗) состоит из двух частей: «нет» (☐) вверху и «рот» (☐) внизу. Во-первых, это предостережение не есть что попало, дабы беда не вошла через рот. Во-вторых — не говорить лишнего, дабы беда не вышла изо рта.

В текущей ситуации для Нань Ши это означало одно: не лезть в чужие дела и уносить ноги.

Чистый лист от Чи Ю, очевидно, нёс тот же смысл.

— Нань Сяоши, ты чем тут занимаешься? — Го Синсянь, принеся поднос с горячими булочками и пирожными, с любопытством заглянул через его плечо. — О, никак не выйдешь из образа полубессмертного? Что, собираешься на мосту гадальный ларёк открывать?

Стоит признать, после вчерашних событий Го Синсянь начал относиться к увлечению друга гаданиями с долей недоверия. То, с какой лёгкостью Нань Ши ориентировался в суевериях, наводило на размышления. Слишком много совпадений — и жар спал после молитвы крёстному, и поминальные деньги загорелись после извинений — всё это уже не казалось простой случайностью.

— Что это? — нахмурился Нань Ши, глядя на выпечку.

— Соседи принесли, — Го Синсянь смахнул монеты в сторону, поставил поднос и протянул Нань Ши бело-розовый шарик. — Попробуй, это наши знаменитые пирожные. Внутри начинка из роз и бобовой пасты, есть и с мясом. Ничуть не хуже, чем в «Хуан Тяньюань».

Нань Ши взял пирожное, но есть не спешил. Только что гексаграмма предостерегла его от еды, а тут ему суют угощение от соседей. Как тут не насторожиться?

— Билеты на поезд купил?

— Купил, на сегодня после обеда. — Го Синсянь взял себе пирожное и уже собирался отправить его в рот, но Нань Ши выхватил его и бросил обратно на поднос.

— Не ешь!

— Ты чего? — опешил тот.

— Напиши иероглиф, я погадаю, — ответил Нань Ши, уклоняясь от прямого ответа и пододвигая чашку с остатками чая.

— Какой ещё иероглиф? — нахмурился Го Синсянь. — Нань Сяоши, ты с самого утра какой-то странный.

— Я тебе плохого не посоветую, — отрезал Нань Ши. — Пиши! Любой иероглиф, какой в голову придёт!

«Себе гадать — может, и не сбудется, но по чужому иероглифу — должно быть точно. Нельзя разглашать небесные тайны, но если я умолчу о результате, это не будет считаться разглашением!»

В чём-чём, а в поиске лазеек Нань Ши был мастером.

Видя его серьёзное лицо, Го Синсянь не стал спорить и вывел на столешнице чаем иероглиф «Упадок». (□).

— Почему именно его? О чём ты думал? — тут же спросил Нань Ши.

Го Синсянь огляделся и понизил голос:

— Я думал о соседях. Может, в полицию заявить? Покупка трупа — это незаконно. И что до моего крёстного... если душа той девушки действительно существует, это же получается брак по принуждению. Каково ей? А если её родители ничего не знают, то это вообще похищение.

«Раз мой крёстный существует, значит, и призраки — реальность!»

— Я всё думаю, стоит ли заявлять, но в то же время это их семейное дело, и я не должен вмешиваться... вот и написал «Упадок». — Чужие дела, в которые нельзя не вмешаться, но и лезть не следует. Оттого и такой выбор.

Такие вещи, если только при жизни не было завещания, — дикий пережиток прошлого. К тому же, в наши дни хватает историй об убийствах ради продажи трупов для таких ритуалов. Недавно по телевизору показывали случай: девушку похитили и заживо похоронили в гробу лицом к лицу с покойником, где она и задохнулась.

К счастью, злодеи получили по заслугам. Не прошло и семи дней после смерти девушки, как вся та семья сгорела в пожаре.

Говоря это, Го Синсянь бессознательно водил пальцем по написанному иероглифу. Чайные разводы расплылись, искажая его.

Нань Ши уже хотел было что-то сказать, но его взгляд внезапно упал на изменившийся знак. Он схватил друга за руку, вглядываясь. Иероглиф «Упадок» (𠄎) из его гексаграммы предостерегал от пустых разговоров. В гадании по иероглифам это означало бы, что Го Синсяню не следует заявлять в полицию.

Но тот, водя пальцем, продлил вертикальную черту в части «нет» (𠄎), и она пронзила «рот» (𠄎), превратив его в «середину» (𠄎). Такое толковать следовало иначе. А если продлить черту ещё дальше, то получится иероглиф «предел» (𠄎).

А это уже «когда упадок доходит до предела, наступает расцвет» (𠄎𠄎𠄎𠄎).

При таком толковании смысл менялся на противоположный: Го Синсяню следовало не просто заявить в полицию, а поднять как можно больше шума. После первоначального непонимания и сопротивления всё разрешится в его пользу.

— Ну, что ты там увидел? — спросил Го Синсянь.

— Не могу сказать, — покачал головой Нань Ши. — Что задумал, то и делай. Я тебе не советчик.

Го Синсянь, кажется, всё понял. Он уже хотел было что-то сказать, но Нань Ши зажал ему рот.

— Замолчи, если не хочешь, чтобы твой брат попал в беду!

Тот быстро кивнул, и Нань Ши убрал руку. Он снова взял монеты и бросил их.

На одно дело нельзя гадать дважды, но он спрашивал другое: каковы будут последствия, если он присоединится к Го Синсяню и поднимет шум.

Это уже было другое дело, ведь участников двое.

Шесть монет одна за другой упали на стол. Верхняя триграмма — три инь, нижняя — три ян.

Гексаграмма «Расцвет». Прямая противоположность предыдущей.

Суждение гласило: «Малое уходит, великое приходит. Путь благородного мужа растёт, путь ничтожного человека исчезает».

Иными словами: «Ты прав, ты крут! Всё получится! Тебя ждёт большая удача!»

Чего тут сомневаться? Действовать!

— Знаешь что... — на лице Нань Ши наконец появилась улыбка. — Давай поменяем билеты, уедем попозже. У вас тут такие виды, хочу остаться на пару дней. Ты и сам давно дома не был, сходи к крёстному, прополи сорняки, полей цветы. Я видел, он весь плющом зарос. Отдохнём, а завтра съездим на рынок, купим удобрений, подкормим твоего крёстного. Как тебе идея?

— А? Зачем? — Го Синсянь, кажется, понял, что Нань Ши получил хороший знак, но при чём тут его крёстный? — В деревне есть люди, которые регулярно убирают и удобряют. Нам не нужно.

— Ты что, не хочешь почаще видеться с крёстным?

— Нет... — Го Синсянь едва не ляпнул «хочу», вспомнив вчерашнюю порку. Слово застряло у него в горле.

— Вот именно, — авторитетно кивнул Нань Ши и поднял палец. — Ты хочешь. Ты очень хочешь наладить отношения со своим крёстным!

— ... — Го Синсянь, что-то бормоча себе под нос, ушёл, не забыв прихватить с собой поднос с пирожными. Как раз завтра отнесёт их крёстному в качестве подношения.

Нань Ши через приложение арендовал машину на неделю. Как только её доставят, он собирался съездить в соседний город за продуктами и всем необходимым. Здешняя еда и вода не внушали доверия.

— Цин Ин, я решил остаться здесь на несколько дней. Вернись и сообщи старшему брату.

— Не могу ослушаться приказа, — ответила та. — Горный владыка велел мне неотлучно следовать за молодым господином.

— Ну, как знаешь. — Нань Ши огляделся, раскрыл большой пляжный зонт и установил его так, чтобы тень накрыла всё место, где он сидел. — Снаружи правил меньше. Раз уж таков приказ, я не буду тебя неволить. Сама о себе заботься.

Цин Ин с колебанием шагнула в тень. Хоть она и была тысячелетним призраком и могла появляться при свете дня, такое яркое солнце всё же доставляло дискомфорт.

— Благодарю, молодой господин.

— Не за что. — Нань Ши снова сел и, не оборачиваясь, протянул назад бутылку колы. Почувствовав, что её взяли, он улыбнулся и набрал Чжан Хэ по видеосвязи. — Чжан Хэ, занят?

На том конце провода Чжан Хэ сидел за компьютером с новейшими наушниками на шее. Его глаза были прикованы к экрану, одна рука лежала на клавиатуре, другая — на мыши. Очевидно, он играл.

— Минут через десять освобожусь.

— Хорошо, не торопись. Как закончишь, найди дворецкого Чжоу. Пусть он сообщит моему старшему брату, что я задержусь на пару дней. Скажи, что его друг — родственник моего приятеля и присмотрит за мной.

— Окей, окей! — ответил Чжан Хэ. — Ещё какие-нибудь указания, босс?

Нань Ши задумался.

— Попроси у дворецкого денег и купи всем в доме по комплекту: телефон, планшет, ноутбук. Проведи ликбез по современным технологиям.

— Без проблем! — с энтузиазмом ответил Чжан Хэ.

Нань Ши закончил разговор и посмотрел на Цин Ин. Она стояла, держа в руках маленькую бутылочку колы.

— Это тебе, попробуй, — улыбнулся он.

На её обычно бесстрастном лице промелькнуло замешательство. Она поклонилась в знак благодарности. Нань Ши жестом показал, как открутить крышку. Она повторила его движение и сделала маленький глоток.

Раз уж Цин Ин теперь с ним, спать в одной комнате с Го Синсянем было нельзя. Не дай бог его крёстный явится с проверкой. Увидит, что они спят вдвоём, да ещё и с девушкой, — и всё, ему конец. Даже старший брат не спасёт.

Он встал, чтобы собрать свою постель. Подойдя к двери комнаты, он услышал, как Го Синсянь говорит по телефону:

— ...Да, деревня Линнань, дом моих соседей. Кажется, 12-й отряд. Точный номер дома не знаю, но я разузнаю... Да-да, соседа зовут Ли Дэцай, его жену — Лю Хуа... Они купили труп для помертвой свадьбы! Мне сосед сам сказал. Прошу вас, проверьте, не украли ли они тело.

— ...Меня зовут Го Синсянь, номер паспорта 320503XXXX, телефон...

— Хорошо, спасибо! Пожалуйста, разберитесь!

Нань Ши прислонился к дверному косяку, дождался, пока друг закончит разговор, и как ни в чём не бывало вошёл за своей постелью. Го Синсянь был не дурак. Понимая, что Нань Ши говорил правду о последствиях разглашения тайн, он лишь подмигнул и сказал вслух:

— Тц, что за бессовестные люди. Я уже в полицию заявил.

— Угу, — коротко ответил Нань Ши, стараясь не выдать своих эмоций.

Вскоре доставили машину. Нань Ши предупредил Го Синсяня, чтобы тот ничего не ел и не пил за пределами их дома, особенно у соседей, и поехал в город за покупками.

Ситуация была довольно очевидной. Почему свадьба с покойником в одной семье навлекла тёмные тучи на всю деревню? Было три возможных объяснения:

1. Действительно грядёт стихийное бедствие или катастрофа, не связанная с духами, и пострадает большинство жителей деревни.
2. Дух жениха мстит своей семье, а заодно и всем родственникам, друзьям и соседям.
3. Дух невесты мстит семье жениха, а заодно и всем их родственникам, друзьям и соседям.

Нань Ши склонялся к первому варианту. Месть призрака, даже имеющего на то законное право, обычно направлена на тех, с кем у него есть прямая кармическая связь. Убивать соседей — это уже перебор, сродни истреблению девяти поколений. Ни один чиновник из Преисподней не одобрит такое. У государства свои законы, у семьи — свои правила, и у каждого мира — свой порядок. Получить «свидетельство о мести» не так-то просто. Если обида не смертельная, приходится ждать, пока обидчик умрёт своей смертью по книге судеб, и только потом подавать на него в суд.

Взять, к примеру, ту же Невесту-призрака. Она имела право мстить только родителям покупателя, устроившим посмертную свадьбу, торговцу людьми и мастеру инь-ян — тем, кто был непосредственно виновен в её смерти. Даже умерший жених, если он не был замешан, не входил в этот список, ведь его никто не спрашивал, хочет ли он, чтобы ради него убивали девушку.

А вот стихийное бедствие или катастрофа... например, массовое отравление на поминальном обеде или обрушение дома. Это вполне логично и укладывается в рамки здравого смысла.

Нань Ши вёл машину очень медленно, опустив окно. Он притворялся неопытным водителем, то и дело прося прохожих помочь ему с разворотом или парковкой, а сам в это время внимательно изучал их лица.

У большинства людей, особенно у пожилых, на лбу темнела печать смерти. У молодых дела обстояли лучше: их лица были лишь синеватыми, что указывало на тяжёлую болезнь, и лишь у немногих синева переходила в черноту.

«Похоже на пищевое отравление. У молодых организм покрепче».

Деревня была небольшой. Как бы медленно Нань Ши ни ехал, через двадцать минут он был уже за её пределами. Тут он перестал притворяться, включил музыку на полную громкость и, словно ветер, помчался в супермаркет.

Когда он вернулся, то застал Го Синсяня во дворе у соседей, оживлённо болтающего с хозяином. Услышав шум мотора, тот обернулся и замахал руками, как восторженный щенок.

— Нань Ши, сюда, сюда! Помоги!

Нань Ши опустил стекло. Хозяин, Ли Дэцай, подошёл и протянул ему сигарету.

— Парень, спасибо за помощь!

— Не за что, не за что! — машинально ответил Нань Ши, принимая сигарету.

Го Синсянь тем временем уже тащил огромный красный таз, доверху наполненный паровыми булочками.

— Открой багажник! — крикнул он.

Нань Ши открыл багажник и вышел помочь. Го Синсянь незаметно подмигнул ему. Не задавая лишних вопросов, Нань Ши помог загрузить машину. Когда всё было сделано, Го Синсянь запрыгнул на пассажирское сиденье и помахал соседям.

— Мы тогда повезли! 12-й отряд, верно?

— Верно! Езжайте осторожно! — помахал им в ответ Ли Дэцай.

Машина тронулась. Отъехав на приличное расстояние, Нань Ши наконец спросил:

— Что ты опять затеял?

В глазах Го Синсяня плясали озорные огоньки.

— Пригласили поучаствовать, — ответил он. — Я теперь информатор, собираю информацию!

Нань Ши закатил глаза.

— Ты не устал?

— Ни капли! — бодро заявил Го Синсянь. — Я в храме Синхуа вздремнул немного. Отлично выспался.

— Ты спал от силы минут пятнадцать, — напомнил Нань Ши.

— Всё равно не устал, — развёл руками тот. — Если ты устал, давай я поведу.

— Давай, — согласился Нань Ши.

Они поменялись местами. Нань Ши посмотрел на заднее сиденье, заставленное тазами с булочками и пирожными. Сами по себе красные тазы и горячие булочки выглядели празднично, но сейчас от них веяло чем-то зловещим, не говоря уже о связках поминальных денег под ними.

Дом соседей, где проходила церемония, был совсем рядом, в десяти минутах езды. Он тоже был украшен, но как-то странно: на красных фонарях висели белые траурные ленты с иероглифом «Скорбь».

Внутри кипела работа: кто-то резал рыбу и уток, кто-то лепил булочки, кто-то складывал поминальные деньги. Го Синсянь, выскочив из машины, крикнул:

— Булочки привезли!

Тут же вышли двое или трое мужчин помочь. Лицо Го Синсяня в этих краях было лучшей рекомендацией. Из дома вышел мужчина лет пятидесяти-шестидесяти с лицом, на котором смешались радость и горе. Он протянул Го Синсяню пачку дорогих сигарет.

— Сянь-эр, спасибо за беспокойство!

— Что вы, мы же соседи! — ответил тот и велел Нань Ши помочь перенести угощение.

Они сделали несколько ходок. Нань Ши спросил, куда нести поминальные деньги, и отнёс две большие связки в главный зал.

Первое, что бросилось ему в глаза, был огромный иероглиф «Счастье».

Как и снаружи, красно-золотой иероглиф был задрапирован чёрно-жёлто-белой траурной тканью, а по бокам висели чёрные ленты с белыми иероглифами.

— Дедушка Лю, когда церемония? — воспользовался моментом Го Синсянь.

— Послезавтра, — покачал головой Лю Фан и вздохнул. — Нам с твоей бабушкой не повезло, единственный сын, и того не уберegli... Но мы, родители, должны хотя бы женить его, исполнить свой долг. Тогда и ему на том свете будет с кем быть, будет опора.

— Девушка та тоже несчастная, — продолжал он. — Я видел её, из хорошей, порядочной семьи. Болезнь сгубила. Мой сын и внешностью, и характером не обижен, достойная пара! Дстойная! — он повторил это дважды, словно убеждая кого-то. — Послезавтра её родные привезут гроб. Мы наняли целый кортеж, потратили двадцать тысяч. Раз уж они отдают нам свою дочь, мы не должны ударить в грязь лицом. Мы ведь люди уважаемые. Приданое я им выплатил до копейки. Как поженятся, так и отправим на кремацию.

— Дедушка Лю, крепитесь! — Го Синсянь сжал его руку.

— Эх... ничего, я был готов, — сказал старик, утирая слезу.

Нань Ши, стоя позади, видел, что у всех, кто входил и выходил из этого дома, на лбу была печать смерти. Он даже достал телефон и посмотрел на себя — даже с фильтрами красоты на его лице была видна неестественная синевато-серая тень.

Попрощавшись, они с Го Синсянем вернулись домой.

— Нет, ничего не выпытать, — покачал головой тот. — У них языки на замке. Надо у дяди Ли поспрашивать. Слушай, а что если они при жизни действительно были парой? Или её родители и правда дали согласие?

Если они были парой, то и говорить не о чем. А если родители согласны, то и полиция ничего не сделает. Максимум — напомнят о необходимости кремации.

— Что сложного? — усмехнулся Нань Ши. — Узнай как-нибудь восемь иероглифов судьбы девушки, а я... посмотрю.

— Нань Сяоши, ты молодец! — хлопнул в ладоши Го Синсянь, но тут же осекся. — А Нань... я просто напомню, не говорят ли, что за такие дела бывают последствия? Если можешь обойтись без этого, то лучше не надо. Ты ведь не хромой и не слепой, чтобы на жизнь гаданием зарабатывать.

Нань Ши хотелось сказать, что если он не будет учиться, его наставник его прикончит, но вместо этого он нашёл другой аргумент:

— Ничего страшного... Я гей. Если не прибегать к суррогатному материнству и не вступать в фиктивный брак, детей у меня всё равно не будет.

— ...Тоже верно.

Прошло два дня.

В день церемонии небо затянули тяжёлые свинцовые тучи.

По правилам, невесту везли в свадебном паланкине вокруг деревни. Для посмертной свадьбы гроб тоже должны были пронести по кругу.

Нань Ши и Го Синсянь стояли на балконе, вглядываясь вдаль.

Ещё не было видно ни души, но уже доносились пронзительные звуки похоронной музыки.

— Идут, идут! — Го Синсянь указал на процессию, показавшуюся из-за поворота.

Впереди шли восемь музыкантов в холщовых одеждах, подпоясанных белыми кушаками. Они играли на сонах, флейтах, гонгах и шэнах, и с каждым шагом музыка становилась всё громче. За ними шёл молодой человек в чёрном, в шапочке с красным цветком. Лицо его было выбелено до мертвенной бледности, в руках он держал петуха.

Следом четыре человека несли большой красный гроб. За ним шла дюжина людей с приданым, на котором были наклеены белые листы с чёрным иероглифом «Скорбь».

Поднялся ветер, и белые ленты на поясах людей, на красном гробу и на приданом затрепетали на ветру.

Музыка была душераздирающей.

По мере приближения процессии Го Синсянь невольно схватил Нань Ши за рукав.

— Мамочки, как жутко.

Нань Ши молча кивнул.

Процессия поравнялась с их домом.

На лбу Нань Ши выступил холодный пот.

На гробу, скрестив ноги, сидела девушка-призрак в алом свадебном наряде. Она с усмешкой грызла свои длинные, алые, как кровь, ногти.

Она подняла голову, и их взгляды встретились.

<http://bllate.org/book/13704/1585482>